

Дмитрий Мухин

«В праздники обязуемся не работать»: к вопросу о крестьянском общественном управлении в Вологодской губернии в конце XIX — начале XX в.

В статье рассматривается вопрос о том, как традиционные представления крестьян, а также понимание закона местным чиновничеством на рубеже XIX–XX вв. формировали административную практику крестьянского общественного управления. Крестьяне принимали приговоры о запрете работать в праздники, чтобы подтвердить право общины на наказание нарушителей запрета. Но приговор, вводящий штрафы, мог рассматриваться местным чиновничеством как несоответствующий действовавшему законодательству. Поэтому крестьянское начальство могло в формулировках приговора использовать дополнительные ссылки на закон или отказываться от официального утверждения приговора. Решением схода могли не только устанавливаться санкции за нарушение запрета, но и определяться границы понятия «работа». Эти границы оказывались подвижными и зависели от внешних условий.

Ключевые слова: крестьянское общественное управление, крестьянские сходы, работа, праздник.

Крестьянское общественное управление, существовавшее на протяжении нескольких столетий, во второй половине XIX в. переживало особый этап своего развития. Положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, 1861 г. (далее — Общее положение), Положение о земских начальниках 1889 г. и другие нормативные акты закрепляли единую структуру общественного управления и систему контроля над ним.

Однако в условиях жизни крестьянской общины конца XIX — начала XX в. исключительное следование букве закона было невозможным. Складывавшаяся ситуация была идентична той, о которой писал Джеймс Скотт: «Разработанный и спланированный социальный порядок схематичен — он всегда игнорирует существенные черты любой реальности». Чтобы схема могла работать, она должна подстраиваться под существующие локальные нормы, т.е. «формальная схема паразитировала на неформальных процессах, создавать или поддерживать которые она не могла» [Скотт 2011: 23]. Поэтому локальные традиции оказывали значительное влияние на правоприменительную практику. Особенно это

Дмитрий Александрович Мухин
Архитектурно-этнографический
музей Вологодской области
«Семеново»,
Вологда
muxin@mail.ru

актуально для крестьянского общественного управления конца XIX — начала XX в. Как отмечал П.Н. Зырянов, «свое законодательное оформление крестьянская общественная организация получила лишь в самых общих чертах. Многие общинные институты не были санкционированы законом, хотя продолжали действовать» [Зырянов 1992: 28].

Важным в данном контексте представляется наблюдение Дж. Ейни: «Для массы крестьян закон оставался по существу случайной смесью локальных обычаев и арбитражной силы» [Yaney 1965: 387]. То есть с крестьянскими традициями взаимодействовал скорее не сам закон, а его понимание и интерпретация местным чиновничеством. Ситуацию в отношении интерпретации юридических норм хорошо описал в 1899 г. корреспондент газеты «Северный край» из Грязовецкого уезда Вологодской губернии: «За отсутствием ясного закона земские начальники в большинстве случаев принуждены руководствоваться собственным пониманием правды и неправды. Один земский начальник будет запрещать в своем участке посиделки, другой не усмотрит в этом достаточного основания; <...> один, рассматривая приговоры о переделах, будет покровительствовать общинным порядкам, другой переходу от них к подворному владению» [Грязовец 1899: 3].

Задача данной статьи — рассмотреть вопрос о том, как традиционные представления крестьян (а конкретно — представление о греховности работы в праздничные и воскресные дни), а также понимание закона чиновниками по крестьянским делам (или земскими начальниками) на рубеже XIX–XX вв. формировали административную практику крестьянского общественного управления.

Запрет на работу в праздники у русских крестьян XIX в. рассматривался исследователями в двух контекстах: нравственно-религиозном и хозяйственном. В первом случае особое внимание уделялось вопросу соблюдения вышеозначенных запретов и последствиям их нарушения [Громыко 1986: 125–129; Бернштам 2005: 278–282]. В хозяйственном отношении авторы рассматривали вопрос о соотношении праздничных и рабочих дней. Эта проблема в контексте «исправления деревни» привлекала внимание еще на рубеже XIX–XX вв. [К вопросу 1891; Гумилевский 1910]. Б.Н. Миронов через соотношение праздничных и рабочих дней пытается «понять трудовую этику крестьян» [Миронов 1999: 200]. В данной статье акцент делается на самой процедуре принятия решения о запрете работать в праздники.

Особое внимание крестьяне уделяли работе в праздники, поскольку она считалась грехом, за который Бог может покарать

не только виновника, но и всю общину: «За грех может поплатиться не только сам виновный, но и его односельчане, так, напр., за работу одного или нескольких человек в праздники Бог посылает градовую тучу, червобой или засуху на целую волость» [Русские крестьяне 2008, IV: 12]. Поэтому работа в воскресные и праздничные дни кого-то из однообщественников рассматривалась как реальная угроза всей общине.

Принятие приговоров о запрете работы в праздники являлось лишь одним из видов действий, направленных на то, чтобы обезопасить общину, и могло сочетаться или замещаться другими действиями. С.В. Кузнецов приводил следующий пример: «У крестьян д. Зарубино (Вологодской губ.) червь зимой истребил всю озимь, поэтому крестьяне установили — ежегодно “о сохранении хлебных посевов от вредных насекомых и скота от падежа служить в последнюю пятницу перед днем св. пророка Илии молебен св. Параскеве Пятнице, не работать в этот день”» [Кузнецов 2001: 174]. Мотивировка введения обетного праздника крестьянами деревни Зарубино практически идентична мотивировке жителей села Брусенца и деревни Монастырихи, приведенной корреспондентом Тенишевского бюро: «Градобитие и сочли наказанием Божиим за то, что жители д. Большой и Малой Горок и Дора работают в праздники. Поэтому, отчасти опасаясь такого же наказания и себе, отчасти в благодарность Богу за то, что он “не наказал за одно и их грешных”, <...> составили строгие приговоры» [Русские крестьяне 2008, IV: 12]. И сам коллективный отказ от работы в праздники крестьянами мог рассматриваться как вид обета. В Вельском уезде сходы, принимавшие решение не работать в праздники, назывались «сходками с залогами», а о принятии таких приговоров говорили «положить залоги», т.е. принять обет [Русские крестьяне 2007, I: 35]. Но цель утверждения приговоров отличалась от цели принятия обета. Как заметила М.М. Громыко, «общинный контроль над нею [традицией не работать в праздники. — Д.М.] устанавливался периодически заново, не рассматривался крестьянами как само собой разумеющееся и установленное раз и навсегда» [Громыко 1986: 125]. Таким образом, основная функция приговора состояла не в том, чтобы установить сам запрет на работу в праздники, а в том, чтобы санкционировать вмешательство общины, установить административные рамки. В результате за соблюдением приговора следила сельская полиция, а за нарушение предполагались серьезные штрафы¹.

¹ Наказания могли быть различными. В случае принятия неформального решения использовалось изъятие имущества: «укатить колеса», чтобы виновник не мог далее нарушать запрет (в дальнейшем колеса выкупались владельцем у общины) [Русские крестьяне 2007, I: 35], или забрать другое иму-

Для крестьян было важно принять соответствующий приговор, даже если, по мнению вышестоящего начальства, он не соответствовал законодательству. Поэтому крестьянские должностные лица и община в целом вырабатывали различные способы закрепления решений, связанные как с формулировками официальных приговоров, так и с отказом от прохождения зафиксированной законом процедуры утверждения приговоров.

Б.Н. Миронов, описывая юридическую сторону вопроса, отмечал, что «традиция не работать в воскресенье и праздничные дни уходила в глубину веков, она освящалась не только обычаем, но также и церковью, и законом, начиная с Уложения 1649 года <...>. В I половине XIX в. законом ограничивались барщинные работы в праздник <...>. После отмены крепостного права обычай продолжал действовать, надзор за его соблюдением стал полностью прерогативой общины» [Миронов 1999: 203–204].

Отсутствие нормативного регулирования на рубеже XIX–XX вв. приводило к тому, что рассмотрение и утверждение вопроса о запрете работать в праздники могли иметь диаметрально противоположные результаты.

Единой процедуры принятия приговора о работе в праздники в Вологодской губернии не сложилось. Решение мог выносить селенный сход (сход домохозяев одного селения) [ВЦА. Ф. 297. Оп. 2. Д. 24. Л. 7об.–8], сельский сход (сход домохозяев сельского общества, в которое, как правило, входил целый ряд селений) [ВЦА. Ф. 200. Оп. 2. Д. 626. Л. 42об.–43] или волостной сход [Русские крестьяне 2007, I: 475]. Приговор мог составляться в письменной форме или устно.

Приговоры о запрете на работу в праздники принимались только на летнее время. В документе могла содержаться конкретная дата завершения действия приговора («не работать по праздникам до 8 сентября сего года» [ВЦА. Ф. 297. Оп. 1. Д. 22. Л. 1]). В других случаях приговор запрещал работу только в конкретные, наиболее значимые для крестьян праздники летнего периода [Русские крестьяне 2007, I: 546]. Считалось, что в остальное время спешной работы у крестьян меньше, следовательно, меньше и потребности использовать праздничные и выходные дни.

щество («у иных провинившихся уносили бороны, лодки, сошники и другие вещи» [Русские крестьяне 2008, IV: 13]). Применялись штрафы («в первый раз обязан заплатить нам штрафа 1 р. 50 к., во 2-й — 3 рубля, в 3-й — 6 рублей» [ВЦА. Ф. 297. Оп. 1. Д. 22. Л. 1]) или телесные наказания [Русские крестьяне 2007, II: 62]. Следить за выполнением принятых решений должны были или выборные должностные лица («за наблюдением чего уполномочиваем в каждом селении полицейских десятских и некоторых сотских») [ВЦА. Ф. 200. Оп. 2. Д. 626. Л. 42об.–43]), или община в целом [Русские крестьяне 2008, IV: 13].

На данный момент трудно судить, насколько распространены были подобные приговоры, а также как соотносились различные варианты принятия решений о запрете работать в праздники, какие формы утверждения преобладали в конкретных уездах. Корреспонденты Тенишевского бюро сообщали о принятии приговоров или преследовании нарушителей выборными крестьянскими должностными лицами практически во всех уездах Вологодской губернии¹. Пока удалось обнаружить письменные приговоры только из Устюгского и Никольского уездов (хотя в этнографических описаниях говорится о наличии таких приговоров в других уездах). Это может быть связано как с плохой сохранностью соответствующих фондов, особенно делопроизводства сельских обществ, так и с принятием крестьянами устных решений, информация о которых лишь крайне фрагментарно фиксировалась этнографическими описаниями.

Попытки официального утверждения приговора о запрете работать в праздники могли приводить к отмене этих приговоров по различным причинам. Так, по сообщению корреспондента Тенишевского бюро В.Н. Чапурского из Вологодского уезда, «раз было ходатайство всей Борисовской волости о запрете работать в праздники перед уездным присутствием, последнее отказало в этом, предоставив дело усмотрению каждого хозяина» [Русские крестьяне 2007, I: 475], — т.е. сам вопрос был признан не подлежащим рассмотрению схода. Согласно примечанию 3 к ст. 51 Общего положения, «сельский сход может совещаться и постановлять приговоры только по предметам, в этой статье исчисленным» [ПСЗ 1863: 149]. А вопрос о том, можно ли рассматривать запрет на работу в праздники в рамках статьи «совещания и ходатайства об общественных нуждах» (п. 8, ст. 51 Общего положения) [ПСЗ 1863: 148], в каждом случае, видимо, решался индивидуально.

В 1900 г. приговор крестьян деревни Слободки Устюгского уезда был отменен земским начальником на том основании, что «сходу не предоставлено законом права налагать на своих членов какие-либо взыскания»; более того, «лица, виновные в составлении его, подвергаются взысканию по рассмотрению административной власти» [ВЦА. Ф. 297. Оп. 1. Д. 22. Л. 3—Зоб.]. Причиной такого решения стала закрепленная приговором система штрафов за первичное и последующие нарушения запрета.

¹ Например, П.А. Пешков (Вельский уезд), И.Г. Шадрин (Вологодский уезд) [Русские крестьяне 2007, I: 35, 546], А.А. Каменев (Грязовецкий уезд), А.Е. Мерцалов (Кадниковский уезд) [Русские крестьяне 2007, II: 62, 701], И. Ивонинкий (Никольский уезд) [Русские крестьяне 2007, III: 41], И. Голубев (Тотемский уезд), Н.М. Маталаев (Устюгский уезд) [Русские крестьяне 2008, IV: 12–13, 515].

Однако в 1894 г. был принят приговор сельского схода Спасо-Морозовского общества Трегубовской волости Устюгского уезда, согласно которому крестьяне договаривались «с сего времени и во все воскресные и праздничные дни никому из нас, а также семейникам не производить никаких работ крестьянских» [ВЦА. Ф. 200. Оп. 2. Д. 626. Л. 42об.–43]. Этот приговор был утвержден чиновником по крестьянским делам.

Приговор Спасо-Морозовского общества отличался от приговора деревни Слободки тем, что не вводил штраф напрямую, а требовал не работать «под опасением ответственности по 64 ст. Общего Положения». Аналогично могли вводиться штрафы и за другие нарушения. Так, по приговору схода Благовещенского общества Устюгского уезда за появление молодых людей на вечерках в пьяном виде предполагалось «подвергать родителей или самих молодых людей штрафу по 1 руб. по 64 ст. Общего Положения» [ВЦА. Ф. 201. Оп. 2. Д. 412. Л. 16об.].

Ст. 64 гласила: «Сельскому старосте предоставляется право за маловажные проступки, совершенные лицами, ему подведомственными, подвергать виновных: назначению на общественные работы до двух дней, или денежному, в пользу мирских сумм, взысканию до одного рубля, или аресту не более двух дней» [ПСЗ 1863: 151]. Ст. 64 не содержала списка «проступков» или отсылки к другим нормативным актам, в которых такой список мог бы содержаться, только давала возможность в случае несогласия с действиями старосты подавать жалобы в вышестоящие инстанции. Поэтому как норма, так и размер наказания (в разрешенных ст. 64 пределах) вводились непосредственно приведенными выше приговорами (почему и было отменено решение крестьян деревни Слободки). Но сама ссылка на закон в данном случае придавала приговору легитимность в глазах вышестоящего начальства.

Отсутствие единых правил для крестьянского общественного управления признавалось и вологодским губернским начальством, причем подчеркивалось нежелание самих чиновников проводить работу по унификации практик. Так, согласно циркуляру губернского присутствия, адресованному уездным съездам земских начальников и чиновников по крестьянским делам, «ни один из Уездных Съездов не приступил к составлению названной инструкции, и вследствие сего не только в целых уездах, но даже в смежных участках предъявляются как к обществам, так и должностным лицам требования самые разнообразные и притом нередко даже противоречивые» [ГАВО. Ф. 685. Оп. 1. Д. 602. Л. 1]. Попытка официального утверждения приговоров о запрете работы в праздники представляла риск для крестьянских должностных лиц. В случае если кон-

кретный земский начальник или чиновник по крестьянским делам находил саму суть или формулировку приговора несоответствующей своей трактовке закона, не только мог быть отменен приговор, но и на засвидетельствовавшее его крестьянское начальство могло быть наложено взыскание — что и произошло со старостой Афонинского сельского общества, подписавшего упомянутый выше приговор крестьян деревни Слободки. При этом заранее предугадать ответ земского начальника или чиновника по крестьянским делам было крайне трудно.

В такой ситуации для общины бывало проще принять устное решение или не передавать письменный приговор на утверждение земского начальника или чиновника по крестьянским делам. Отменить принятый таким образом приговор было весьма затруднительно, поскольку о самом факте существования решения схода начальство не узнавало, если не возникало конфликта, выходящего за пределы общины.

Особый интерес представляет сообщение корреспондента Тенишевского бюро Ивана Голубева из Бережнослободской волости Тотемского уезда: «Летом 1898 года жители Брусенца и Монастырихи составили строгие приговоры, чтобы по воскресениям и двенадцатым праздникам никто из них не ходил на работы полевые, не работал и дома, даже чтобы никто не ходил в эти дни в лес за ягодами, грибами и груздями <...>. Письменный этот приговор хранился у старшего десятского каждой деревни». Но в то же время «другая деревня — Хохлово, находящаяся в 1 версте от Монастырихи, составила по тем же побуждениям, что и жители Монастырихи, приговор не письменный» [Русские крестьяне 2008, IV: 12–13].

Важным моментом в этом сообщении является то, что приговоры хранились в деревне, хотя, в соответствии с процессуальными нормами того времени, должны были передаваться земскому начальнику или чиновнику по крестьянским делам для утверждения — и только после этого вступали в силу. Я. Коцонис объяснял такой порядок утверждения приговора восприятием крестьянства в целом: «По сути, закон утверждал, что крестьяне невежественны, а потому не могут отвечать за свои поступки и поведение <...>. Это низводило всех крестьян до состояния “неправоспособности” — любым их действиям всегда не хватало легитимности» [Коцонис 2006: 27]. По этой логике всякий приговор, каково бы ни было его содержание, должен был проходить проверку земским начальником или чиновником по крестьянским делам.

Интересно, что и сама должность «старшего десятского», хранившего приговор, была неформальной. Фактически он вы-

полнял функции сельского старосты, но только в одной, своей, деревне. В его обязанности могли входить организация и проведение селенного схода, выполнение функций мирового судьи и т.д. [Русские крестьяне 2007, II: 181]. Однако для вышестоящего начальства самой должности «старшего десятского» не существовало¹.

Таким образом, с точки зрения действовавшего законодательства, все три упомянутых приговора (письменные Брусенца и Монастырихи, и тем более устный Хохлова) были незаконными и вступить в силу не могли.

Для самих крестьян именно сход, вне зависимости от формы закрепления решения (устной или письменной), обладал достаточной легитимностью, и его решения не требовали последующего утверждения некрестьянским начальством. Корреспондент Тенишевского бюро из Устьсусольского уезда В. Покровский приводил следующие слова одного из крестьян о сельском сходе: «Глас народа, глас Божий» [Русские крестьяне 2008, IV: 444]. Поэтому в устной форме крестьяне могли принимать практически любые решения, вплоть до передела земли [ВЦА. Ф. 201. Оп. 1. Д. 3719. Л. 124–124об.] или возложения на отдельных крестьян обязанности оплачивать службу выборных должностных лиц [ГАВО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 190. Л. 6об]. Как отмечает М.М. Громыко, устной договоренности было достаточно и для частноправовых сделок различного характера [Громыко 2000: 97]. То есть сами крестьяне не рассматривали письменный приговор как единственную форму закрепления принятой нормы.

В случае собрания неформального селенного схода принятие письменного приговора, и тем более его дальнейшее утверждение, не предполагала сама процедура: «Соберутся на угоре, в праздник, и разговаривают о разных делах, рассказывают друг другу разные вести. Кто-нибудь заметит отсутствие одного из соседей, спрашивает у товарища, где он; сказывается на работе или на охоте. Завязывается разговор, сначала между двои-

¹ Вышестоящее начальство могло быть осведомлено о существовании неформальных должностей и практик, в том числе противоречивших законодательству, но удобных для крестьян, и при этом игнорировать их наличие. Так, устюгский уездный исправник в ходе делопроизводства по делу о бегстве конвоируемого преступника утверждал, что «пятиворные — совершенно частные лица» [ВЦА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 122а. Л. 44], признавая тем самым факт существования этой должности в крестьянской среде, притом что наличие пятиворных противоречило нормам Общего положения о кворуме на сельском сходе. Аналогично игнорировалось принятие решений о семейных разделах селенными, а не сельскими сходами, что противоречило постановлениям Сената [П.П. 1899: 1]. Можно предположить, что и о существовании старших десятских, не утверждавшихся законным порядком, вышестоящее начальство было осведомлено, хотя в материалах Вологодской губернии ни одного документа, исходившего от земских начальников или чиновников по крестьянским делам, в которых бы упоминалась должность старшего десятского, на данный момент не выявлено.

ми о том, что нехорошо, грех в праздники работать; потом разговор принимает общий характер, в нем принимают участие все» (Усть-Вельская волость Вельского уезда) [Русские крестьяне 2007, I: 35]. Неофициальные сходы могли возникать спонтанно, они не предусматривали присутствия сельского старосты или писаря, составления приговора. Однако такой порядок не влиял на обязанность соблюдать решение приговора, распространявшуюся на всех крестьян деревни, в том числе и не присутствовавших на сходе.

Приговоры о запрете работать в праздники близки и внешне неотличимы от более широкой группы приговоров, направленных на поддержание морального облика деревни. К таким можно отнести приговоры об ограничении винопития, запрете вечеров, «уменьшению мотовства и роскоши», повышению роли родителей в семье и т.д.

Большинство приговоров о нравственном состоянии деревни принималось по настоянию вышестоящего начальства или священника, обеспокоенных падением нравственности, а также «темнотой и неграмотностью» деревни. Вологодский губернатор В.З. Коленко в одном из циркуляров утверждал, что «крестьянство нуждается в заботливой опеке от собственной своей слабости к пьянству и безрассудному мотовству» [Циркуляр 1893: 2]. Поэтому меры, направленные на борьбу с вышеперечисленными пороками, предлагались регулярно. Так, согласно предписанию № 159 в 1890 г. на сходах были приняты приговоры, нацеленные на исправление нравов деревни. В приговоре крестьян Благовещенского общества Нестеферовской волости Устюжского уезда сообщалось, что вологодский губернатор требовал «оказания содействия путем борьбы с изъясненными в Циркуляре четырьмя формами растлевающего деревню Зла: общим пьянством, семейными разделами, вечерами или посиделками и частыми переделами коренных наделов» [ВЦА. Ф. 201. Оп. 2. Д. 412. Л. 16об.].

Для крестьянского начальства подписание и утверждение подобных приговоров являлось формой отчетности перед вышестоящим начальством, а отсутствие или несвоевременное представление подписанного приговора было основанием наложить взыскание на соответствующих должностных лиц.

Крестьяне, как правило, не оказывали сопротивления, когда принять приговор требовало начальство. По наблюдению корреспондента В. Покровского из Койгородской волости Усть-сысольского уезда, «совершенно почти без шума проходят те сходы, на которых разбираются решения господина чиновника по крестьянским делам <...>. Здесь чуть возникающий гвалт моментально прекращается с словами старшины или волост-

ного писаря: “Если вы, крестьяне, не примете теперь предложения господина чиновника по крестьянским делам, то он, во всяком случае, не останется в дураках и возьмет свое”» [Русские крестьяне 2008, IV: 444]. Однако если такие приговоры и принимались, то реального влияния на крестьянскую жизнь они не оказывали.

Приговоры о запрете работы в воскресные и праздничные дни для крестьян имели совершенно иное значение, принимались ими самостоятельно и даже с нарушением действовавшего законодательства. Но из-за отсутствия в тексте мотивировки принятого решения и отсылки к опасности, исходящей от нарушения запрета, эти приговоры могли прочитываться вышестоящим начальством в широком контексте улучшения нравственного состояния деревни — и шансы на утверждение таких приговоров земскими начальниками и чиновниками по крестьянским делам увеличивались.

Неоднозначно решался и вопрос о том, что входит в категорию «работа» и, следовательно, является грехом.

В деревне Слободке крестьяне постановили: «[О]бязуемся в праздники не работать, ни косить, ни загребать, ни жнить» [ВЦА. Ф. 297. Оп. 1. Д. 22. Л. 1]. То есть под «работой» понимался только собственно сельскохозяйственный труд (сенокос и уборка урожая). Именно эти виды деятельности повсеместно относились к категории «работа».

Исключение составляли помочи. Как сообщал корреспондент Тенишевского бюро В.Ф. Ефимьев из Тотемского уезда, «в воскресные и праздничные дни (не деревенские) крестьяне у себя не работают, по найму тоже, но на помочи: косьбу, жнитву, пахоту ходят и ездят» [Русские крестьяне 2008, IV: 107]. Поскольку в будние дни крестьяне были заняты своими сельскохозяйственными работами, то для организации помочей фактически иного времени, кроме праздничных и выходных дней, не оставалось, поэтому «работой» они не считались. Одну из возможных мотивировок такого рассмотрения сельскохозяйственных помочей приводит М.М. Громыко: «Этот грех Бог нам простит, потому что, если мы не пойдем, хлеб пропадет; хлеб не должен пропасть — это дар Божий» [Громыко 2001: 220].

Другим вариантом, позволявшим проводить даже полевые работы в праздники, было маркирование происходящего как праздника. «Помочи относятся к праздникам, потому что сопровождаются угощением и обильным возлиянием вина» [Русские крестьяне 2007, III: 74]. С.В. Кузнецов приводит примеры маркирования и других работ, проходивших в воскресные и праздничные дни: «[Н]а сенокос же мужчины и женщины,

а в особенности же девушки, “убираются в самое хорошее одеяние, какое только имеется для самых торжественных случаев”» [Кузнецов 2001: 178]. Отсылка к «празднику» и «угощению» позволяла вывести этот труд за пределы понятий «работа» и «грех».

Анализируя «Труды комиссии по преобразованию волостных судов», Б.Г. Литвак приводит пример наказания за домашние работы: «Некоторые из крестьян в праздник 19 февраля работали по домам разную работу, как то: мыли белье, занимались шитьем и проч. <...>. Волостной суд решил: вышеозначенных крестьянок подвергнуть наказанию розгами, каждую из них по 19 ударов в пример другим, дабы помнили день 19 февраля» [Литвак 1979: 263–264]. Однако на материале Вологодской губернии подобные случаи пока не выявлены.

Помимо этого существовал ряд видов деятельности, которые в зависимости от ситуации могли входить или не входить в понятие «работа». Так, информацию о споре на сходе приводил корреспондент Тенишевского бюро из Усть-Вельской волости Вельского уезда П.А. Пешков: «Сначала хотели постановить, чтобы в праздники не робить и на охоту не ходить. Но после споров сделали ограничение: в лес за грибами, там за ягодами ходить можно; с ружьем на охоту — тоже можно; нельзя только робить, т.е. подкабливать сосны для смолокурения и брать топор или там что другое в руки, или на лошади за дровами ездить и прочее» [Русские крестьяне 2007, I: 35].

Похожим образом ситуацию описывал И. Голубев из Тотемского уезда, но в данном случае крестьяне без изменения приговора массово нарушили один из запретов: «На четвертое воскресенье почти вся деревня Монастыриха отправилась, вопреки приговору, в лес за груздями, т.к. в это лето у нас наросло невероятное количество груздей <...>, а в будничные дни за ними ходить было совершенно несвободно» [Русские крестьяне 2008, IV: 12–13].

В зависимости от условий крестьяне могли оперировать самим термином «работа», расширяя или сокращая сферу его применения. Сама логика событий близка к ситуации с помочами: поскольку иного времени на сбор грибов или охоту, кроме праздничного, у крестьян не было, то эти виды деятельности временно или постоянно выводились за пределы понятия «работа». Так, в Грязовецком уезде «крестьяне вместо напольной работы производят дележ сенокоса между собой и собирают ягоды и грибы исключительно только по воскресным и праздничным дням, не считая, впрочем, это дело за работу» [Русские крестьяне 2007, II: 243].

Таким образом, точно определить понятие «работа» в крестьянском представлении не представляется возможным. В конкретном году или даже в конкретный праздник крестьяне могли среди прочего обсуждать на сходах и принимать решение о том, что входит или не входит в это понятие в зависимости от сложившихся условий. То есть именно на сходе мог решаться вопрос о том, какие действия будут считаться греховными и за что может последовать божественное наказание.

Особый интерес в данном контексте представляют те действия, которые крестьяне никогда не рассматривали в качестве «работы». Например, к таковым относились все виды деятельности, связанные с крестьянским общественным управлением. Именно они могли занимать значительную часть выходных и праздничных дней. В 1896 г. епископ вологодский и тотемский Алексей обращался к вологодскому губернатору И.Я. Дунину-Борковскому с просьбой установить определенное время для заседаний волостных судов и собрания сходов, поскольку, как отмечал епископ, «можно заключить, сколь многие из мирского дела лишаются возможности посетить Храм Божий в воскресный и праздничный день» [ГАВО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1. Л. 15].

При этом к категории «работа» данные виды деятельности не относились. Ни в одном из выявленных 225 прошений об удалении от должностей¹ крестьяне не называли пребывание в должности работой. Выбранные принимали и исполняли обязанности или отбывали повинности, служили или исполняли службу, сидели в должности (например: «[Я] малограмотный, и не желал принять на себя эту обязанность» [ГАВО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 565. Л. 1]; «[О]коло семи лет тому назад я сидел, по избранию того же общества, в должности вахтера в хлебозапасном Васильевском магазине и исполнял эту службу добросовестно в течение шести лет, следовательно вполне отбыл свою натуральную повинность» [ГАВО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 1228. Л. 2–2об.]).

Такое восприятие общественного управления позволяло крестьянам не тратить ценное рабочее время в летний период. Так, староста Травинского сельского общества Никольского уезда Баданин писал в своем объяснении: «Летом в праздники только и можно было исполнить просьбу Рыжкова [составить приговор о разделе просителя с братом. — *Д.М.*], а значит не только его дело, а и всякое другое и срочное так и на деле выходило, сельский писарь в праздничные дни ходил по селениям испол-

¹ Прощения хранятся в фондах ГАВО, ВЦА; поданы от имени избранных должностных лиц пяти уездов Вологодской губернии (Вологодского, Кадниковского, Никольского, Тотемского, Устюжского) в период с 1890 по 1903 г.

нять срочные дела с повестками о вызове: в волостной суд, в окружной, к Вам [земскому начальнику. — *Д.М.*], Следователю, Городскому Судье, в Уездный Съезд, собирал сведения о торговых и промышленных заведениях и производил конскую перепись» [ВЦА. Ф. 569. Оп. 1. Д. 12. Л. 76].

В отличие от сбора грибов и ягод, статус которого как работы был подвижен, заседания волостных судов, организация сходов и проведение различных переписей в понимании крестьян работой не являлись.

Приговоры о запрете работать в праздники принимались крестьянами не столько с целью ввести запрет, сколько как подтверждение права общины контролировать соблюдение запрета. Однако единой процедуры для таких приговоров не сложилось, поэтому принимать их могли сходы любого уровня, от селенного до волостного, как в письменной, так и в устной форме.

Пример приговоров о запрете работы в праздники демонстрирует, что крестьянское общественное управление существовало в условиях законодательной и административной неопределенности. В частности, утверждение или неутверждение приговора зависело от представлений конкретного чиновника о законности такого решения. Поэтому крестьянские должностные лица для получения желаемого результата либо могли соответствующим образом формулировать текст приговора (в частности, снабжая его ссылками на статьи закона), либо избегать процедуры официального утверждения решений.

Список сокращений

ВЦА — Великоустюгский центральный архив

ГАВО — Государственный архив Вологодской области

ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи

Архивные материалы

ВЦА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 122а. Документы об определении, увольнении и наложении взысканий на полицейских урядников и чинов сельской полиции. 1893 г.

ВЦА. Ф. 200. Оп. 2. Д. 626. Книга на записку административных приговоров сельских сходов Спасо-Морозовского общества Трегубовской волости на 1894 год. 1894 г.

ВЦА. Ф. 201. Оп. 1. Д. 3719. Дело о выборах, определении и увольнении со службы волостных и сельских должностных лиц, наложении на них взысканий. 1895 г.

ВЦА. Ф. 201. Оп. 2. Д. 412. Книга на записку приговоров сельских сходов на 1890 г. Благовещенского сельского общества. 1890 г.

- ВЦА. Ф. 297. Оп. 1. Д. 22. По приговору крестьян д. Слободки от 8 июля 1900 г. № 66 о том, чтобы не работать в праздничные дни. 1900 г.
- ВЦА. Ф. 297. Оп. 2. Д. 24. Месячные ведомости о сельских и селенных сходах и содержании принятых постановлений. 1902 г.
- ВЦА. Ф. 569. Оп. 1. Д. 12. Наряд об избрании, утверждении и увольнении волостных и сельских должностных лиц. 1900 г.
- ГАВО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 565. По прошению Кубенской волости Коробановского общества д. Уварова Ивана Алексея Хрусталева, ходатайствующего об освобождении его от должности сельского старосты. 1893 г.
- ГАВО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 190. По предписанию господина Председателя Вологодского уездного Съезда за № 2007 с прошением крестьян Хреновской волости д. Страшева Алексея Андреева Уханова. 1891 г.
- ГАВО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 1228. По прошению крестьянина Попадьянской волости д. Корцева Дмитрия Кириллова об освобождении его от должности полицейского сотского. 1895 г.
- ГАВО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1. Бумаги, принятые к сведению и руководству. 1896 г.
- ГАВО. Ф. 685. Оп. 1. Д. 602. Л. 1. О составлении инструкций сельским и волостным обществам и должностным лицам крестьянского общественного управления. 1897 г.

Источники

- Грязовец // Северный край. 1899, 5 мая. № 145. С. 3.
- П.П.* Семейные разделы крестьян (письмо из Никольского уезда Вологодской губернии) // Северный край. 1899, 19 июня. № 187. С. 1.
- ПСЗ. Собр. 2-е. Т. 36. Отд. 1. 1861. СПб.: Тип. 2 отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1863. 1059 с.
- Русские крестьяне: Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. СПб.: Деловая типография, 2007. Т. 5: Вологодская губерния. Ч. 1: Вельский и Вологодский уезды. 623 с.
- Русские крестьяне: Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. СПб.: Деловая типография, 2007. Т. 5: Вологодская губерния. Ч. 2: Грязовецкий и Кадниковский уезды. 839 с.
- Русские крестьяне: Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. СПб.: Деловая типография, 2007. Т. 5: Вологодская губерния. Ч. 3: Никольский и Сольвычегодский уезды. 683 с.
- Русские крестьяне: Жизнь. Быт. Нравы: Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. СПб.: Деловая типография, 2008. Т. 5: Вологодская губерния. Ч. 4: Тотемский, Устьсыольский, Устюгский и Яренгский уезды. 807 с.

Циркуляр г-на Вологодского губернатора гг. исправникам, земским начальникам и чиновникам по крестьянским делам (от 21 июля 1893 года за № 2061) // Вологодские губернские ведомости. 1893. № 30. С. 2.

Библиография

- Бернштам Т.А.* Приходская жизнь русской деревни: Очерки по церковной этнографии. СПб.: Петербургское востоковедение, 2005. 413 с.
- Громыко М.М.* Традиционные нормы поведения и формы общения у русских крестьян XIX в. М.: Наука, 1986. 274 с.
- Громыко М.М.* Отношение к богатству и предприимчивости русских крестьян XIX в. в свете традиционных религиозно-нравственных представлений и социальной практики // Этнографическое обозрение. 2000. № 3. С. 86–99.
- Громыко М.М.* Покаяние в народной жизни. Понятие греха и кары Божией // Повседневная жизнь русских крестьян XIX–XX веков: Итоги этнографических исследований / Отв. ред. Т.А. Листова. М.: Наука, 2001. С. 202–228.
- Гумилевский Н.* Борьба против церковных и национальных праздников // Руководство для сельских пастырей. 1910. Т. 3. № 45–47. С. 217–220.
- Зырянов П.Н.* Крестьянская община Европейской России в 1907–1914 гг. М.: Наука, 1992. 256 с.
- К вопросу об обилии народных праздников // Руководство для сельских пастырей. 1891. Т. 2. № 28. С. 285–291.
- Коцонис Я.* Как крестьян делали отсталыми: сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России 1861–1914. М.: НЛЮ, 2006. 320 с.
- Кузнецов С.В.* Нравственность и религиозность в хозяйственной деятельности русского крестьянства // Повседневная жизнь русских крестьян XIX–XX веков: Итоги этнографических исследований / Отв. ред. Т.А. Листова. М.: Наука, 2001. С. 168–182.
- Литвак Б.Г.* Очерки источниковедения массовой документации XIX — начала XX в. М.: Наука, 1979. 294 с.
- Миронов Б.Н.* «Всякая душа празднику рада»: труд и отдых в русской деревне второй половины XIX — начала XX в. // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX–XX вв. / Отв. ред. А.Н. Цамутали. СПб.: Алетейя, 1999. С. 200–210.
- Скотт Дж.* Благими намереньями государства: почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. М.: Университетская книга, 2011. 576 с.
- Yaney G.L.* Law, Society and the Domestic Regime in Russia in Historical Perspective // The American Political Science Review. 1965, June. Vol. 59. No. 2. P. 379–390.

“On Holidays We Promise Not to Work”: On the Question of Peasant Local Government in the Vologda Province at the End of 19th — the Beginning of the 20th Century

Dmitry Mukhin

Vologda Open Air Museum of Architecture & Ethnography “Semenkovo”
Sovetskii pr. 49, Vologda, Russia
muxin@mail.ru

This paper examines the question of how traditional peasant ideas (specifically — the idea that working on holidays is sinful), and local officials' understanding of the law at the turn of the 19th and 20th centuries shaped the administrative practise of the peasant local government.

Peasants accepted resolutions to ban work on holidays in order to affirm the community's right to punish violators of the ban. Local officials could consider the resolution, which introduced penalties, to contradict existing legislation. Therefore, the country administration could use additional references to the law in resolutions or refuse to approve the resolution.

The assembly's resolutions could not only establish sanctions on violators of the ban, but could also define the conceptual boundaries of “work”. These boundaries changed depending on external conditions. Therefore different activities (collecting mushrooms and berries, hunting etc.) could be considered “work” (or not) during different years, and therefore, they could be allowed or forbidden on holidays. Other kinds of activities could be removed from the ban upon being marked as “holiday” activities (for example, a haymaking or pomoch).

Keywords: peasant local government, peasant assemblies, working, holiday.

References

- Bernshtam T. A., *Prikhodskaya zhizn russkoy derevni: Ocherki po tserkovnoy etnografii* [Parish Life of the Russian Village: Sketches on Church Ethnography]. St Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2005, 413 pp. (In Russian).
- Gromyko M. M., ‘Otnoshenie k bogatstvu i predpriimchivosti russkikh krestyan XIX v. v svete traditsionnykh religiozno-nravstvennykh predstavleniy i sotsialnoy praktiki’ [The Attitude of the Russian Peasantry in the XIX Century to Wealth and Enterprise in the Light of Traditional Religious and Moral Ideas, and Social Norms], *Etnograficeskoe Obozrenie*, 2000, no. 3, pp. 86–99. (In Russian).

- Gromyko M. M., 'Pokayanie v narodnoy zhizni. Ponyatie grekha i kary Bozhiey' [Repentance in Folk Life. The Concept of Sin and God's Penalty], Listova T. A. (ed.), *Povsednevnyaya zhizn russkikh krestyan XIX–XX vekov: Itogi etnograficheskikh issledovaniy* [Everyday Life of the Russian Peasants of the 19th–20th Centuries: Results of Ethnographic Research]. Moscow: Nauka, 2001, pp. 202–228. (In Russian).
- Gromyko M. M., *Traditsionnye normy povedeniya i formy obshcheniya u russkikh krestyan XIX v.* [Traditional Norms of Behavior and Forms of Communication of Russian Peasants in the 19th Century]. Moscow: Nauka, 1986, 274 pp. (In Russian).
- Gumilevskii N., 'Borba protiv tserkovnykh i natsionalnykh prazdnikov' [The Fight against the Church and National Holidays], *Rukovodstvo dlya selskikh pastyrey* [A Handbook for Rural Pastors], 1910, vol. 3, no. 45–47, pp. 217–220. (In Russian).
- 'K voprosu ob obilii narodnykh prazdnikov' [On the Question of the Abundance of National Holidays], *Rukovodstvo dlya selskikh pastyrey* [A Handbook for Rural Pastors], 1891, vol. 2, no. 28, pp. 285–291. (In Russian).
- Kotsonis Y., *Making Peasants Backward: Agricultural Cooperatives and the Agrarian Question in Russia, 1861–1914*. New York: St Martin's Press, 1999, 272 pp.
- Kuznetsov S. V., 'Nravstvennost i religioznost v khozyaystvennoy deyatelnosti russkogo krestyanstva' [Morality and Religiousness in the Economic Activity of the Russian Peasantry], Listova T. A. (ed.), *Povsednevnyaya zhizn russkikh krestyan XIX–XX vekov: Itogi etnograficheskikh issledovaniy* [Everyday Life of Russian Peasants in the 19th–20th Centuries: Results of Ethnographic Research]. Moscow: Nauka, 2001, pp. 168–182. (In Russian).
- Litvak B. G. *Ocherki istochnikovedeniya massovoy dokumentatsii XIX — nachala XX v.* [Sketches of a Source Study of Mass Documentation of 19th — the Early 20th Century]. Moscow: Nauka, 1979, 294 pp. (In Russian).
- Mironov B. N. "'Vsyakaya dusha prazdniku rada": trud i otdykh v russkoy derevne vtoroy poloviny XIX — nachala XX v.' ["Each Soul is Glad on a Holiday": Work and Rest in the Russian Village in the Late 19th — Early 20th Century], Tsamutali A. N. (ed.), *Problemy sotsialno-ekonomicheskoy i politicheskoy istorii Rossii XIX–XX vv.* [Problems of the Social, Economic and Political History of Russia in 19th–20th Centuries]. St Petersburg: Aleteya, 1999, pp. 200–210. (In Russian).
- Skott J., *Seeing Lake a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. New Haven: Yale University Press, 1998, 464 pp.
- Yaney G. L., 'Law, Society and the Domestic Regime in Russia in Historical Perspective', *The American Political Science Review*, 1965, vol. 59, no. 2, pp. 379–390.
- Zyryanov P. N. *Krestyanskaya obshchina Yevropeyskoy Rossii v 1907–1914 gg.* [The Peasant Community of European Russia from 1907–1914]. Moscow: Nauka, 1992, 256 pp. (In Russian).